

# ШТУЧКИ

## БЕССОННИЦА

Всю ночь Балабееву не спалось. У Балабеева была бессонница. Балабеев лёг в постель, закрыл глаза и услышал, как кто-то ходит за окном. Балабеев встал с постели, открыл окно и спросил: "Кто там ходит?" Но ему никто не ответил. Балабеев закрыл окно, лёг в постель и закрыл глаза. Но ему не спалось. Очевидно, у него была бессонница. И тут Балабеев услышал, как за окном кто-то ходит. Балабеев встал с постели, открыл окно и спросил: "Кто там ходит?" Но никто ему не ответил. Балабеев закрыл окно, лёг в постель и закрыл глаза. Но ему не спалось. Очевидно, у него была бессонница. Балабеев встал с постели, открыл окно и спросил: "Кто там ходит?" Но ему никто не ответил. Балабеев закрыл окно, лёг в постель и закрыл глаза. Но ему не спалось. "Очевидно, у меня бессонница", – подумал он. И тут Балабеев услышал, как за окном кто-то ходит.

Но Балабеев не стал больше спрашивать, кто это там ходит, ибо понял: КТО-ТО ЗЛОЙ И ЖЕСТОКИЙ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ОН ВСЮ НОЧЬ ТОЛЬКО ТЕМ И ЗАНИМАЛСЯ, ЧТО ОТКРЫВАЛ И ЗАКРЫВАЛ ОКНО.

\*\*\*

Леночка Шелковичная отправилась с утра в парк культурного отдыха, чтобы познакомиться там с каким-нибудь молодым и красивым мужчиной.

Добравшись до песчаного пляжика, Леночка постелила на раскаленный от солнца песочек полотенчико и, разложив на него ручки, ножки, попочку, животик, бюстик и головку томно прикрыла глазки темными очками в ожидании, что через несколько минут ее разбудит принц прекрасный.

Но Леночку разбудила маленькая девочка.

– Вставай, тётя, – прошепелявила малышка, – ты мешаешь.

– Чем это я тебе мешаю? – пристально глядя на стебелёк, поинтересовалась Леночка.

– Здесь у нас развернутся военные действия и пройдут танки, и ты, тётя, можешь стать невинной жертвой. Лучше убирайся, пока тебя не размазали по песочку.

Леночка Шелковичная сняла тёмные очки, оторвала глаза от стебелёчка и посмотрела на девочку.

На девочке был бронежилет, военные сапоги и автомат через плечо, как у настоящего бойца-красноармейца. А каска на голове – большая-пребольшая и зелёная-презелёная.

"Какой милый ребёнок", – подумала Леночка, а вслух сказала:

– Ты похожа на хилую сыроежку, дитя.

Из-за холма вынырнул большой зелёный танк. Прогромыхав гусеницами, танк остановился в пяти сантиметрах от полотенчика, на котором лежала Леночка. Из танка выросла голова мальчика лет восьми.

– В чём проблема, товарищи? – весело спросил мальчик.

– По приказу заведующего танковой колонной освобождаю поле боя от посторонних предметов, – по всем правилам отрапортовала малышка, вытянувшись по стойке "смирно" и став похожей на бледную поганку.

– Поторопитесь, товарищи, наши пехотные танки на подходе, – одобрил девочку мальчик. Голова его исчезла, прихлопнутая бронированным люком, и танк со скрежетом отъехал.

– А ну, убирайся отсюда, женщина, – зашипела девочка, побелев и надувшись так, что стала похожа на гриб-дождевик.

Леночка улыбнулась девочке и достала из пляжной сумочки пилку для ногтей. И когда с малышкой в очередной раз случилась метаморфоза и она, позеленев от нахальства, превратилась в довольно приличный подосиновик, Леночка Шелковичная срезала его пилкой для ногтей, положила в пляжную сумочку и дома из того подосиновика сварила вкусную-превкусную уху.

Вот, дети, что случается со злыми девочками, которые гуляют по пляжу без папы и мамы и грубят взрослым тётям.

## МЕЧТЫ

**Я в детстве мечтал водить трамвай.** Захожу я тут как-то в трамвай и говорю вагоновожатой: "А я в детстве мечтал водить трамвай". А она говорит: "А я в детстве ни о чем не мечтала, как только поскорее выйти замуж, а когда эта моя мечта сбылась, муж послал меня водить трамвай".

А вот моя соседка Анна Павловна работает дворничихой, а с детства мечтала быть балериной. Она бы и стала балериной, если бы однажды, подметая улицу, не поскользнулась на арбузной корке и не выбила себе разом все зубы. Пошла она к платному врачу, что у Казанского вокзала, и он вставил ей большие, красивые, но – золотые. А с золотыми зубами в балет не принимают – внимания они много на себя берут и тем самым от действия отвлекают.

– А я, – сказала балерина, – когда была маленькой, мечтала работать дворничихой на Красной площади, на Лобном месте. Знаете ли вы, сколько за ту ограду денег за день бросают?!!

А вот одна дама мечтала быть великой актрисой и играла даже в театре. Она приходила в театр за три часа до начала спектакля и красилась негритянской. Потом выходила в финальной сцене и говорила: "Госпожа, не хотите ли кофе со льдом?" А госпожа ей

отвечала: "Ничего я не хочу, убирайся прочь". Тогда эта дама шла со своим подносом в гримёрную и целый час мокрой тряпкой смывала с себя грим негритянки. Так что когда она из театра уходила, все остальные артисты уже дома сидели и кушали макароны.

А потом как-то на спектакль приехал негритянский принц и сказал: "Подайте мне ту негритянку, я женюсь на ней". И не успела она отмыться после спектакля, как принц тот – бац – и увёз её в Африку. Теперь она снова каждый вечер выходит с подносом и говорит: "Господин, не хотите ли кофе со льдом?.."

А один старик в детстве очень мечтал быть тюремщиком – охранять общество от преступных элементов. Но после школы в тюремщики его не взяли – сказали, что для этого нужно высшее образование иметь. А когда он институт закончил, то уже очень мечтал быть вышибалой в театре – выгонять всех, кто кашляет и разговаривает во время действия и громко бумажками шелестит. А в театре на него обиделись и сказали, что здесь бумажками никто не шелестит (так, мол, у них интересно), и посоветовали пойти в ресторан. Он так и сделал: пошёл в ресторан, напился, побил всю посуду, и его посадили в тюрьму. Теперь он сидит в тюрьме и пишет мемуары.

А один писатель всю жизнь писал мемуары, а потом сдал их в макулатуру и купил своей жене французские духи. А жена флакон духов уронила, он – хлоп – и разбился. Теперь оказалось, что писатель жизнь свою прожил зря... Да! Как изменчива жизнь, господа, и сколь далеки наши мечтания от всего того, что встречается нам в суровом океане повседневности!

## **ИСТОРИЯ ПАШИ ТОЛУБЕЕВА**

Паша Толубеев принадлежал к миру творческой интеллигенции. Каждый день он выезжал с этюдником и красками на природу, где рисовал зелёные насаждения, получая за это неплохие деньги. И вот однажды Паша Толубеев, охваченный творческим вдохновением, забрёл со своим этюдником и красками так далеко в лес, что даже сам испугался. И не успел он испугаться, как из-за деревьев появился здоровенный детина с дубиной в руке и с финским ножом в кармане. Детину этого тоже звали Паша Толубеев, но он не принадлежал к миру творческой интеллигенции, а потому не способен был понять тонкую и ранимую душу художника.

– А ну гони сюда свои вонючие краски, – предложил Паша Толубеев, доставая из кармана финку.

– Прошу вас, не убивайте меня, – взмолился Паша Толубеев, – я принадлежу к миру творческой интеллигенции. Каждый день я выезжаю на природу с этюдником и красками и рисую зелёные насаждения, получая за это неплохие деньги.

– И деньги тоже давай, – согласился Паша Толубеев, угрожающе занеся над Пашей Толубеевым свою дубину.

Покрывшись дрожью до самых ушей, Паша Толубеев высыпал на траву к ногам грабителя все свои деньги, прикарманив себе лишь пять копеек на метро, и бросился бежать куда глаза глядят, оставив в тёмном лесу свою палитру с красками и этюдник с незаконченным шедевром. Перелетая через кочки и рытвины, он поклялся сам себе, что если уйдёт из этого страшного леса живым, то больше никогда не взглянет на эту злосчастную природу и переключится на голых женщин; и рисовать их станет исключительно у себя дома – лучше на кухне – потому что нет лучше освещения для художника, чем газовая конфорка.

А Паша Толубеев тем временем разворотил дубиной этюдник Паши Толубеева, разрезал на куски незаконченную картину, а красками написал на стволе дерева неприличное слово и нарисовал соответствующий рисунок. Причём слово он вывел красным, обведя буквы понизу фиолетовой каймой и пустив сверху зелёные прожилки; а сам рисунок, подтверждающий написанное, сделал, смешав цинковые белила с тёмной охрой.

Отдавая своему занятию всю душу и даже вспотев от напряжения, Паша Толубеев, сам о том не ведая, впервые в жизни прикоснулся к миру творческой интеллигенции.

...Воистину, господа, блажен тот лев, которого съест человек, ибо лев войдёт в человека, и проклят тот человек, которого пожрёт лев, ибо лев станет человеком. Приятного аппетита.

\*\*\*

**Семёнов вошёл в цивилизатор и вышел оттуда культурным человеком.** Рябову обработали ультра-гамма-кварцевым излучением и она навсегда перестала ругаться матом. Рыкову сделали операцию на левой яйцеклетке и он больше не бьёт свою жену и не блюёт на кухне на пол. А Жуков вовсе перестал пить после того, как учёные промыли ему мозги интеллектуал-оксидом кальция. Жориной теще они дали выпить какую-то новую таблетку и она больше не подсыпает хлорку в суп своему соседу.

... Трудно представить, что случится через год, если наука будет развиваться так стремительно. И до чего ж приятно жить в высокоразвитом обществе, господа!

## ОБЩЕНИЯ

Сизиф Антонович влюбился в Марию Павловну. Но, пообщавшись с нею, он узнал, что она нечиста на руку. Тогда Сизиф Антонович влюбился в Прасковью Леонидовну. Пообщавшись с нею, он узнал, что Прасковья Леонидовна анархистка. Тогда Сизиф Антонович влюбился в Пелагею Сидоровну. Но в момент общения с Пелагеей Сидоровной оказалось, что та имеет мужа в Саратове. Тогда Сизиф Антонович влюбился в Клару Иосифовну, но оказалось, что она

работала в гестапо. Сердце Сизифа Антоновича не выдержало и разбилось. Он крепко запил, прокутил все деньги, влез в долги и поехал в Англию. В Англии Сизиф Антонович влюбился в леди Опл-Хаймер.

Поговаривают, что он проживает у нея на квартире и учит английский. А то без английского, господи, какое уж тут общение?!!

### **СКОЛЬКО СИЛ УХОДИТ НА ПРОСТУЮ ЕРУНДУ**

Столько сил уходит на простую ерунду! Недавно я пришёл и прямо так и говорю: "Столько сил уходит на простую ерунду!" Или печатаю, например, на машинке: "На ерунду уходит просто столько сил!!!" Не сплю полночи и понимаю, что на ерунду уходят все силы. Всю ночь сплошная ерунда и трата сил. Вот сижу, пишу рассказ. И пишу его не для того, чтобы бездумно, якобы, повторять одну и ту же фразу, а именно – столько сил уходит на простую ерунду – и надеяться этой фразой и бесстыдным её повторением вызвать смех. Нет. Не для того я пишу рассказ. Может быть, рассказ мой и есть простая ерунда, но сижу я уже с часу ночи. То есть полночи уже сижу. Даже на то, чтобы просто сидеть, нужны какие-никакие усилия... И всё равно понимаю, что все силы ушли на ерунду, то есть на дурацкий рассказ, в котором если и есть талантливый отрывок, то начинается он со слов "столько сил", а заканчивается словами "простую ерунду".

Господи Боже Ты Мой! Сколько же сил уходит на простую ерунду – вы даже не поверите!

### **«ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ»**

Известная в нашем городе балерина местного оперного театра Анна Павловна Ходько-Смакодуй известна была тем, что перед важным спектаклем балета ползала сама собою по сцене и забивала изящным своим балетным тапком в нея повывлезавшие оттудова за ночь гвозди.

Знала Анна Павловна, что гвоздь, торчащий в сцене, представляет собою опасность для балетного тела, снующего туда-сюда с невероятной быстротою. А ну как зацепится тело то ногою за гвоздь и загремит в яму с оркестром со всего размаху своего балетного весу!

Потому и внимала умница-балерина на гвозди и посторонния предметы, забытые на сцене перед спектаклем. Потому и выравнивала каждую сучковатость своим сапожком балетным!

А публичность смотрела на нея из зала и смеялась. Подозрительной называла. Так и говорила:

**«Подозрительная она, балерина наша»!**

## ИЗ КНИГИ "ПИСЬМА"

Здравствуйте, мои дорогие!

Пишу вам письмо на очень хорошей бумаге очень хорошей ручкой с пером.

Передавайте привет Клаве и Ивану Леонидовичу. Как поживает Антонина Павловна? Как её гангрена?

У нас все хорошо. Недавно Петя попал под поезд и ему в больнице отрезали правую ногу. Но он обещал, что в начале октября все равно поедет на курорт, потому что резекция желудка ему не помогла и боли нужно лечить водами и грязями.

Правда, водами уже пытались в местном стационаре, но от обилия жидкости в организме у него налился кровью, а потом лопнул и вытек левый глаз. Врач называет это водянкой, но мы сомневаемся, потому что жидкость течет у него так же из ушей и из носа, а при водянке этого не бывает. А, как раз, напротив, у него усыхают половые органы, что указывает на анексиому.

При анексиоме грязи и воды противопоказаны, так что желудок и почки ему придется вырезать полностью.

Врач предлагает трансплантацию, но у Пети очень редкая группа крови и трансплантировать ему можно только желудок горного ягненка, а это нам сейчас не по карману, потому что с последней операцией на кисти руки мы потеряли все сбережения, а кисть так и не прижилась, так что Петя на пенсии по инвалидности и все время висит дома на специальных подвязках, ибо лежать на постели он не может после ожога Четвертой степени, который он получил, когда пролился на заводе жидкий углерод.

Жидким углеродом Пете повредило легкие и дышит он теперь с помощью кислородной маски, потому что синтетические легкие плохо усваивают кислород из воздуха, от чего у Пети повыпадали все волосы на голове и произошло онемение мозга.

Поэтому привет я передаю за него заочно.

С приветом, здоровья и счастья вам, ваша теть Люся.

П.С. Недавно у меня заболели зубы и заговаривать зубы приглашали цыганку-гадалку. Зубы заговорились и выздоровели, но на следующий день все повыпадали. Петя-же во сне прикусил себе язык и теперь страдает обширной язвой.

\*\*\*

## ПИСЬМО ВТОРОЕ

Здравствуйте, милая теть Люся! Да, благословит Вас Бог! Пишет Вам племянник тети Клавы Сергей Пантелеймонович. Почерк

вы мой, конечно, не узнаете, потому что это почерк не мой, а соседской девочки Нади, которая любезно согласилась записать на листок то, что я Вам диктую.

Я же писать не могу из-за обширного паралича, который произошел со мной на похоронах.

Тётя Клава успела прочитать Ваше письмо, да, благословит Вас Бог, но ответить не смогла, только передавала огромный привет, а так же пожелания долгих лет счастливой жизни Вам и Петру Соломоновичу.

Сама тетя Клава скончалась во вторник по полудни, после того, как поела компоту из черешни, купленного... купленного у бродячего торговца подержанными стульями.

*Врачи, которые вскрывали тетю Клаву после смерти, сказали, что косточки оказались раздробленными (не у тети Клавы, а у черешни), и компот был полон синильной кислоты.*

*Вы, наверное, заметили, дорогая тетя Люся, что почерк в этом письме несколько строк выше сменился?..*

*Это потому, что соседская девочка Надя только что упала с крыльца и сломала себе шею, и письмо мне дописывает дядя Гена – помните, второй муж тети Клавы, которого долго считали слабоумным потому что он ничего не говорил, а потом оказалось, что за обедом он проглотил чесночную терку, которая повредила ему горло?*

*...Так вот, дяде Гене недавно поставили на правую руку протез, и он теперь может не только писать письма, но и после смерти тети Клавы освободить себя от напряжения.*

*Правда, в последний раз протез заел, и дядя Гена раздавил себе яйцо во время завтрака, но доктор сказал, что больше этого не повторится. Что их протезы имеют девяносто процентную гарантию.*

*Так что дядя Гена теперь всегда будет писать для Вас письма под мою диктовку, если вы, конечно, не про про про...*

\*\*\*

## ГЕНИЙ

(Из жизни замечательных людей)

...Осень он провёл в деревне Болдино, и один из вечеров вдохновил его на писание стихов. В тот вечер он, выйдя во двор, почувал слабый аромат далёкого костра и, попивая квас из кружки, долго сидел, смотря в угасающее небо и вдыхая деревенские ароматы.

Потом, правда, оказалось, что был это вовсе не костёр, а пожар в соседней деревне, когда сгорела хата с бабой, мужиком и двенадцатью детьми. Но, не зная об этом, в ту же ночь, запалив свечу, он погрузился в писание, вспоминая томительный вечер, жёлтые листья дерев, розовое закатное небо и слабый ароматный дым отдалённого костра.

Воистину, господа, гений всегда найдёт себе предмет для вдохновения!

\*\*\*

У профессора Дмитрия Поликарповича Федькина-Масснэ голова держалась на плечах с помощью железного штыря, как у манекена.

– Вы знаете, это очень удобно, – любил говаривать профессор. – Вот встанешь, бывало, утром, сядешь в кресло, снимешь со штыря голову, положишь её перед собою на колени – и можешь начинать утренний туалет: затылок ножницами подровняешь, бороду причешешь, ночные морщины расправишь. И главное, никаких зеркал тебе не надо: всё лицо как на ладони, будь то седой волос на виске или вихор на затылке, ну прямо всё перед глазами.

А вы что же, господа, думали: ежели профессор умён, то уж ему не нужно следить за своею внешностию? Ещё как нужно! Всё в человеке должно быть прекрасно: и лицо, и мысли, и обхождение!

### **ИЗ КНИГИ «СЛУЧАИ»**

У Мухиной собака бегаёт всё время по газонам и не хочет ходить по тротуару, как все нормальные люди. Раппопорд свою собаку вообще не отпускает с поводка, потому что на свободе она бесконечно какает, чем всех смущает. А синюхинская собака скоро доведёт Синюхина до бешенства тем, что постоянно лезет своим языком под хвост мухинской и раппопордовской. А у Гришиной собака может выйти среди ночи на проспект и залаять на весь двор. А у Тёркина собака кусается. У Алябьева не даёт покоя мышам и кошкам. У Мониной без зазрения совести ходит по лужам, а потом по персидским коврам; у Гурьева вечно чешется и линяет; у Тютевой слизала с потолка побелку; у Лямкина-Пэссе постоянно пролезает сквозь намордник и убегает прочь...

Вот так-то, господа! А ещё говорят, что собака – друг человека!

### **КАК ИВАН ПЛАТОНОВИЧ ПОНЯЛ, ЧТО ЕМУ ПОРА НА ПЕНСИЮ**

Придя с работы, Иван Платонович закрыл дверь и открыл окно. В комнату тотчас же влетела летучая мышь и повисла вниз головой на абажуре. Иван Платонович выгнал летучую мышь через окно на улицу и занавесил окно шторой. Летучая мышь забила в штору и сорвала карниз. Иван Платонович погрозил летучей мыши кулаком, закрыл окно и открыл дверь. Из кухни запахло солёными огурцами и прелой капустой, от чего ужасно захотелось выпить. Иван Платонович закрыл дверь, открыл сервант, достал оттуда графин с водкою, поставил его на



стол и налил себе рюмочку. От водки пот прошиб Ивана Платоновича до самых ушей, и он взял со стола веер для обмахивания. Но веер не открывался, так как тот винтик заржавел ещё с прошлой зимы, когда от Ивана Платоновича ушла жена. Иван Платонович закрыл сервант и открыл комод, чтобы поискать машинного масла для смазки веера, но не нашёл там ничего, кроме сушёной воблы... После второго графинчика слёзы потекли по его лицу, а в горле застрял солёный непрожёванный комок. Иван Платонович закрыл комод и открыл дверь, которая жалобно заскрипела, также требуя машинного масла для смазки той петли, которая вышла из строя, когда бывшая жена, почти год назад, хлопнула дверью, унося свои чемоданы. Иван Платонович закрыл дверь и открыл окно. В комнату тотчас же влетела летучая мышь и опустилась на графин с водкою.

Вот так Иван Платонович и понял, что ему давно пора на пенсию.

## СКУКА

У Балабеева в доме было скучно и одиноко. Ну просто так скучно и одиноко, что единственная муха, которая летала у Балабеева по комнатам, летала-летала, а потом приземлилась на потолок и умерла от скуки и одиночества.

Балабеев выкопал в потолке маленькую ямку, положил в неё муху, засыпал ямку землёю, сверху положил камушек, отгородил это место маленьким заборчиком и поставил на патефон пластинку с траурною музыкой.

Да, господа! Скучно и одиноко было у Балабеева в доме!

\*\*\*

Стоял солнечный весенний день. По небу плыла безоблачная синева.

Девочка, играя с мальчиком, не поделила с ним песок в песочнице. Мальчик был будущим философом и поэтому сказал девочке, что "едем дас зайне". А девочка была будущей драматической актрисой, так что она ничего не сказала, а просто взяла и выколола мальчику глазки заколкой для волос.

Среди детей в песочнице были будущие журналисты. Они побежали к воспитательнице Пёсьевой и сказали, что в песочнице произошёл массовый террор. Они, конечно, наврали, но не со зла, а исключительно для гладкости разговора.

С детства Пёсьева мечтала умереть своей смертью. Поэтому она пошла на чердак и повесилась.

На чердаке спал будущий маньяк-убийца. Увидев, как Пёсьева повесилась, он заплакал, сошёл вниз и признался в совершённом

преступлении. Но случайные прохожие хорошо знали Пёсьеву. Они сказали: "Не может с Пёсьевой ничего случиться, ибо в кармане у нея есть пистолет с железными пулями".

Маньяк-убийцу прозвали самозванцем, он заплакал и убил у всех на глазах старую старушку. А случайные прохожие сказали: "Какая радость, Авдотьевна померла, теперь уж можно спокойно стучать домином"

...Стоял солнечный весенний день. По небу плыла безоблачная синева. Случайные прохожие, смеясь, стучали домином; на улице, в кустах, лежала старенькая старушка; на чердаке висела Пёсьева; слепой мальчик сидел посреди помойки и, тихо попискивая, звал маму; дети играли во дворе в морской бой; а по улицам тем временем в поисках новой жертвы бродил маньяк-убийца.

## СЮЖЕТ

(Посвящается новым русским. Писателям.)

...Вчера один мой хороший знакомый по имени Крутой, с которым мы вместе пошли на наше первое дело по изданию моего романа "Салфетка "Темпо" как улика", совершенно задаром, за бутылку водки, предложил мне замечательную идею оригинального сюжета: он молод и красив, она – невинное создание. Семьи их враждуют между собой, принадлежат к разным группировкам, но ничто не может погасить их любви и желаний, кроме смерти, которой всё и заканчивается.

Завтра начинаю писать, но пока не знаю, кто из моих героев будет произносить в конце хитовую фразу, подаренную мне тем же Крутым за стакан шампанского: "Быть или не быть?" Кому отдать эти слова – Джульетте или Ромео? Вот в чём вопрос. Кстати, неплохие имена для романа. Немного изысканны, но культурность теперь в моде. Откудава Крутняк их только откопал? Наверное, из Библии.

\*\*\*

**Мария Гавриловна Адельсон-Вельская приехала в Москву для того, чтобы стать звездой экрана.** Звездой она не стала, зато встретила меня, а я пообещал написать про неё рассказ, который будет начинаться словами: "Мария Гавриловна Адельсон-Вельская приехала в Москву для того, чтобы стать звездой экрана". Правда, на этом рассказ должен был и закончиться, потому что больше писать про Марию Гавриловну нечего, потому что нет у неё ни достоинств, ни недостатков.

Короче, ничего не было у Марии Гавриловны, кроме денег, и мы решили пойти в ресторан.

В ресторане Мария Гавриловна напилась, заплакала и призналась мне, что зовут её вовсе не Мария Гавриловна Адельсон-Вельская, а Наташа Голобородько, и живёт она не в Пензе, а в деревне Большие

Бугорки, а деньги ей дали родители для того, чтобы она поехала на ярмарку и купила там корову.

А потом к нам подсел очень симпатичный молодой человек и мы выпили за Наташу, за её родителей, за Большие Бугорки, за корову и за киноактрису Людмилу Гурченко.

Потом я уснул, а Наташа напилась, заплакала и призналась симпатичному молодому человеку, что она вовсе не Наташа Голобородько, а Мария Гавриловна Адельсон-Вельская и что приехала она в Москву для того, чтобы стать звездой экрана. А молодой человек сказал, что он – известный писатель и что завтра он обязательно напишет про Марию Гавриловну рассказ, который будет начинаться словами: "Мария Гавриловна Адельсон-Вельская приехала в Москву для того, чтобы стать звездой экрана". Он заверил своё обещание поцелуем и пригласил Марию Гавриловну к приятелю на квартиру.

Когда они уехали, к моему столику подсел очень симпатичный милиционер, мы с ним немножко поболтали, а потом поехали ко мне домой за сто двадцатью рублями, чтобы заплатить по счёту в ресторане.

\*\*\*

**Капитолина Викентьевна вышла из оперы, наступила левым валенком на санки, санки подпрыгнули и расшибли Викентьевне лоб.** Назавтра Капитолина Викентьевна пошла в балет. Спускаясь по ступенькам после балету, она невзначай наступила левым валенком на санки, санки подпрыгнули и дали ей в правый глаз. Назавтра желудок Викентьевны вновь потребовал культурной пищи, а потому она пошла в синемаатограф.

Возвратясь с синемаатографу, Капитолина Викентьевна наступила левым валенком на санки, санки подпрыгнули и вышибли ей последний глаз. Так как смотреть было уже нечем, на следующее завтра Викентьевна пошла в концерт. А прэ ле концерт она спустилась по лесенке и вляпалась левым валенком в санки. Санки подпрыгнули и, дав ей по морде, начисто вышибли с лица весь интеллект.

Посему назавтра Капитолина Викентьевна пошла в цирк. Выходя из цирку и не дойдя до санок, она попала под трамвай. Трамвай подпрыгнул и отрезал ей левый валенок вместе с самоёю ногою.

Теперь Капитолина Викентьевна беспрепятственно наслаждается искусством и не думает весь третий акт ни о санках, ни о левой ноге.

\*\*\*

**Александра Васильевна Жемчужница-Кособредько страсть как любила кататься на самокате.** Вот примет она с утра сто грамм, упрётся одной ногою в самокат, а другою как оттолкнётся, и поехала

куда глаза глядят. Кругом ветер, скорость – всё так и мелькает по сторонам и исчезает позади, сливаясь в одну унылую картину наших повседневных буден. А Александра Васильевна знай своё: одной ногою вжик по тротуару, потом вся изогнётся как балерина, ляжками перемянется на другую сторону тяжести, и теперь уже другою ногою как вжикнет – ну просто все по сторонам разбегаются и только диву даются: «Кто это там едет так быстро и так умело? Уж не Александра ли Васильевна Жемчужница-Кособредько, чёрт её дери, ссуку, ни дна ей ни покрышки со своим самокатом».

И вот доездила всё-таки! Довыпендривалась на радость жителям, горожанам и односельчанам! Купила она коверкотовое пальто на рынке, полы завернула для удобства, шась в свой самокат, правую ножкой упёрлась куда надо, а левую как вжикнет – и прямо под самосвал. И так, знаете, быстро это у неё получилось, что она даже ляжками перемяться не успела; а уж о том, чтобы вжикнуть правую ногою свою, как обычно положено, об этом можно было только мечтать в самом распрекрасном сне.

И вот, как это водится, все со всех сторон посбежались и говорят друг дружке: «Уж не Александра ли Васильевна Жемчужница-Кособредько, чёрт её дери, ссуку, ни дна ей ни покрышки со своим самокатом, под самосвал угодила?»

А шофёр из кабины вылезает и говорит: «Так точно, вроде бы она. Ошибки быть не может. Как мотылёк вспорхнула и – хрясь – ровно на две половины. Где Жемчужница, где Кособредько – нету Александры Васильевны, спите, мол, граждане спокойно».

Все по домам разошлись радостные, в приподнятом духе. А в принципе, граждане, чему вы так радуетесь? Что, она вам мешала со своим самокатом или зашибла кого, со скоростью балуясь?

«Нет, – отвечают граждане, – не мешала она нам. Нет, – говорят, – не зашибла. Просто не принято у нас на самокатах разъезжать по дорогам и весям просторов. У нас как раз наоборот принято все больше на гусеничных тракторах и на самосвалах. Душа у нас в сих краях не терпит ножкой по асфальту брыкать, ибо она основательная и сурьёзная, как и мы сами».

А одна дама высунулась в форточку и говорит:

– А вдруг каждый, как пример сто грамм для храбрости, да как возьмёт самокат...

– Так ведь никто не принял, никто не взял, – говорю я. – Одна она у нас была такая – Жемчужница, чёрт её дери, Кособредько, и ту под самосвал отпустили и, сами того не ожидая, опять же оказали дурное влияние на основательность и сурьёзность жителей, горожан, односельчан.

\*\*\*

**Сигизмунд Автохранович Верейский слыл добрым и непорочным человеком.** Добродетельствовал он так, как другие дышат, не имея даже мысли о цене своей чуткости, ибо она, словно

воздух из легких, вырывалась во всем своем естестве из его души. Именно поэтому, наверное, пришел к Сигизмунду Автохрановичу однажды конверт. В конверте том лежала записка, в которой золотыми буквами значились четыре строчки:

*Чисты твои поступки, Мой безгрешный раб,*

*Да приумножат они свет в сем мире бренном,*

*Кой создал Я во дни Моих страданий лишь затем,*

*Чтоб отвернуть Свой взор от вечности и мрака.*

Записка была подписана Господом Богом, и, помимо записки той, нашел в конверте Сигизмунд Автохранович еще и пачку денег, которые отличались от земных лишь тою разницей, что на просвет их показывался в нужном месте совсем не тот профиль, о котором подумали сейчас любители сторублевых ассигнаций. «Когда придет твой час, пошли Мне эти деньги, – значилось на голубой ленте, обхватывающей пачку. – На них ты сможешь купить в Царстве Моем все, что только пожелаешь. (В пределах, конечно, означенной суммы.)»

Надо думать, как обрадовался Сигизмунд Автохранович! Завернул он пачку в тряпочку и спрятал под подушку в своей кровати. И начал жить он еще радостнее с того дня, как вдруг однажды получил другое письмо, в котором говорилось, что за хорошую службу на производстве награждает его Начальство открыткою на автомобиль самой что ни на есть лучшей марки. Открытка лежала тут же, в конверте, а на серой ленте, обхватывающей ее, значилось: «Оплатите нужную сумму в сберкассе и получите автомобиль в ближайший срок».

И тут Сигизмунд Автохранович замешкался: жил он счастливо, но сбережений никаких не имел, ибо все, что оставалось у него с зарплаты, раздавал по друзьям и нищим в церкви. Не было у Сигизмунда Автохрановича никаких денег, кроме, правда, тех, что получил он за свою добродетель и что лежали у него под подушкой и были хоть присланы с Небес, но вполне похожи на обычные. Долго думал Сигизмунд Автохранович и снес их наконец в сберкассу, ибо даже самый добродетельный и аскетичный человек с трудом откажется от такого счастья, как автомобиль, да еще самой что ни на есть лучшей марки.

...А на следующий день, лишь забрезжил в окнах свет, стучит в дверь почтальон и приносит телеграмму. Открыл ее Сигизмунд Автохранович и прочитал, все бледнее и бледнее:

*«Получили от Вас крупную сумму денег тчк удивлены зпт что нет при ней никаких пожеланий тчк осмелимся предложить сами тчк высылаем путевку на тот свет тчк серные ванны и кипящая смола входят в оплату тчк».*

Дамы и господа, помните! Сберкассы и банки всего земного шара валюту из высших сфер не принимают, и черт знает куда могут ее переслать ТЧК

## СТЕПАН

...СТЕПАН СМАЧНО СПЛЮНУЛ СКВОЗЬ ЗУБЫ, ВЗМАХНУЛ КРЫЛЬЯМИ, ВЗЛЕТЕЛ И СЕЛ НА ВЕТКУ ДЕРЕВА.

– Безобразие, – сказала дворничиха, – разве можно летать по деревьям?

– А почему бы и нет? – удивился Степан.

– А вдруг ты оттуда начнёшь гадить? Тебе удовольствие, а мне лишняя работа.

Степан обиделся, полетел в другой двор и сел на электрический провод.

– А ну как замкнёшь всё это? – высказал предположение дворник.  
– Весь дом без света оставишь, гад.

Степан обиделся на «гада» и полетел в другой двор и сел там на крышу дома.

К Степану подошла маленькая девочка. В одной руке у неё был гвоздодёр, а в другой – рулон рубероида.

– А у нас крыша, между прочим, протекает даже в сухую и жаркую погоду, – укоризненно сказала она, замахнувшись на Степана гвоздодёром.

Степан обиделся и, слетев с крыши, приземлился в песочницу, где маленький мальчик обругал его матом и брызнул в глаза песком.

Степан закрыл глаза руками, взлетел в небо, поцарапал новый рубероид на крыше, метнулся вниз, запутался в электрических проводах, обосрался и умер.

Дворничиха, дворник, маленькая девочка и маленький мальчик похоронили Степана в песочнице в коробке из-под печенья, а на его могиле приколотили табличку, на которой написали:

«СТЕПАН»

†

## ФЕНЕЧКА

Уже с грудного возраста мама начала учить Фенечку жить по средствам, деньгами не сорить и каждой вещи давать вторую, третью, а то и четвёртую жизнь.

Из дырявого мячика и осколков разбитой бутылки мама мастерила люстру в спальню; а когда у любимой Фенечкиной непропорционально развитой куклы под старость отвалилась голова, бывшая кукла зажила сразу пятью жизнями: из её волос сделали мочалку для мытья посуды; ноги вставили в руки, и получилась удобная скалка для раскатывания теста; из тряпчатого туловища смастерили подушку-пуфик на пружинную кровать; глазками же Фенечка до сих пор украшает по Пасхам Пасхальный кулич.

Сарафан с куклы сняли и убрали до лучших времён: а ну как у Фенечки родится недоношенный ребёнок, да к тому же урод – будет что одеть на первое время.

Когда Фенечка подросла, то, помня посмертный наказ мамы, пошла работать в утиль, превратив свой дом в чашу изобилия. Но в ходе развития общества граждане поумнели и утиль посещать перестали, приберегая ночные горшки до лучших времён (вдруг пропадут кастрюли) и пригрозив тем самым оставить Фенечку не у дел.

Не у дел Фенечка не осталась, перейдя работать сборщицей милостыни при ближней церкви: просила копеечку и с чирика непременно сдавала сдачу в размере девяти рублей девянота девяти копеек, чем поднимала настроение клиентов, которые становились к ней в очередь по нескольку раз, и порой даже заключали пари на крупные суммы: хватит ли у Фенечки денег на сдачу с тысячи рублёв. Фенечка обманула ожидания клиентов лишь однажды, когда сорвалась с насиженного места и чудом материализовалась в Париже, купив в предместье маленький домик с черепичной крышей.

Сейчас Фенечка состоит на заслуженной пенсии, ибо целых тридцать лет без выходных она проработала на кладбище Сент-Антуан близ Рамсея, продавая у ворот розы, а потом собирая их с могил и продавая вновь и вновь до полного их увядания.

До сих пор Фенечка решает один вопрос: на что использовать тот сарафанчик, что мама сняла с непропорциональной куклы, будь она трижды проклята...мама, естественно, а не кукла.

\*\*\*

Моя тётя была Английской королевой, пока её не казнили на площади при всём честном народе.

Когда палач занёс над тётей свой топор, она гордо крикнула:

– Ах вы, мать вашу так, сволочи, ни дна вам ни покрывки, сукины дети!

Но это её не спасло, и как только её казнили, она, естественно, перестала быть королевой и рассказала мне всю правду про эту дурацкую королевскую жизнь. И так красочно рассказала, что я теперь никогда не захочу стать Английской королевой, даже если меня об этом очень хорошо попросят.

Ну вот, например, представьте, дорогие читатели, что вы – Английская королева и вам как назло понравился красивый брюнет из соседнего двора. Вы с ним переспали раз; потом переспали два... И не успели вы с ним переспать три, как глядите однажды из горницы в окно, а его в том окне ведут на казнь, отрубать голову.

А потом ещё на семейном совете устраивают вам головомойку, дескать, чего это вы, королева, подмигиваете по чужим дворам вместо того, чтобы играть на лютнях или ощипывать индейку. А вот ещё вариант: вы снова Английская королева и с утра до утра занимаетесь государственными делами, а с ночи до ночи, как завелось, играете на лютнях. А ваш супруг Английский король в то время лазает по соседним дворам и вечером даже не приходит пожелать вам весёлого отдыха.

В таком состоянии вы день играете на лютнях, два играете на лютнях, а три – достаёте из серванта бутылку водки, после чего в нервном стрессе устраиваете по замку дебош. Все родственники в шоке, а экономка пишет докладную королю, что пора, дескать, свести вас разок на казнь для порядку, а то во дворце не останется ни одной лютни и запустеет сервант.

А король – дурак, каких свет не видывал. Он не понимает, что лучше вас он по соседним дворам всё равно никого не найдёт. И вот королеву ведут на казнь и срубают ей голову. В результате король в дураках, а вы всю оставшуюся жизнь будете писать мемуарные воспоминания про то, как плохо быть Английской королевой.

И правильно сделаете: пусть все знают, мать вашу так, что ни дна вам ни покрышки, сукины дети!

## **ВОЕННАЯ ТАЙНА**

**(Посвящается Аркадию Гайдару.)**

Когда я был ещё совсем маленьким ребёнком, я сказал такое, что мои родители, опасаясь, как бы нас всех после этого не арестовали, вынули меня из колясочки, переложили в плетёную ивовую корзинку и отправили вниз по реке, в другой район, где ещё не было советской власти. А сами пошли пешком вдоль берега в надежде выловить меня на другой, более счастливой и свободной земле. Но на границе их схватили, долго допрашивали, а потом посадили на четыре года в тюрьму. Так что, когда через четыре года их выпустили, меня уже вынесло в Тихий океан, и я бороздил его просторы. Родители же об этом ничего не знали и, решив, что их сын утонул, оформили заграничный паспорт и отправились в Америку.

Случилось так, что корабль, на котором они плыли, потерял управление, попав в мощные потоки Гольфстрима, в то время как моя корзиночка, привыкшая за три года плавать по океанским волнам, этот самый Гольфстрим пересекала – причём уже в третий раз.

Тут-то и произошла наша встреча, которая, правда, длилась недолго, потому что, когда меня подняли на палубу, я сказал такое, что



родителей моих тут же арестовали, а меня накормили клубничным мороженым со взбитыми сливками и уложили спать в каюте первого класса.

Корзиночку мою подвергли тщательному ремонту и по моей просьбе снабдили маленьким дизельным моторчиком.

Провожала меня вся команда корабля, и мама махала мне синим платочком, просунув руку сквозь железную решётку, которой было схвачено окно каюты (чтобы она не прыгнула в воду и не сбежала). Папа мой платочком не махал, потому что ему предусмотрительно связали руки.

Когда дно моей корзиночки коснулось глади океана, я завёл мотор и со слезами на глазах устремился к родным берегам, которых никогда не видел, зато любил всем сердцем, потому что Родина дана человеку для того, чтобы её любить.

Родных берегов я достиг раньше, чем матросы на корабле, увозившем моих папу и маму, увидели Статую Свободы.

Когда меня встретили представители Советской власти, я сказал им такое, что на корабль тут же была послана радиограмма, и мою маму вместе с папой вывели из каюты и повели на расстрел со связанными руками.

Перед самым выстрелом папа перегнулся за борт и выплюнул в воду маленькую бутылочку, в которую была вложена маленькая записочка, в которой было подробно рассказано о том, каким я вырос нехорошим ребёнком. Матросы с корабля пробовали поймать эту бутылочку, но она, видимо, попала в тёплое течение Гольфстрим, и догнать её не было никакой возможности.

Узнав про этот случай, я поступил на работу в экспедицию, занимающуюся изучением погоды в Тихом океане. И вот уже много лет наш научный корабль, забыв про розу ветров, гоняется за той самой бутылочкой.

Недавно с материка была послана на корабль радиограмма, в которой спрашивалось, почему мы не занимаемся изучением погоды, но я им сказал такое, что Гидрометцентр вместо солнца предсказал град со снегом.

Три года назад я женился и у меня родился мальчик. Своё первое слово он произнёс среди облаков и небесного простора, ибо, как только он открыл рот, я, опасаясь дурной наследственности, посадил его в корзиночку, а к корзиночке привязал огромный голубой воздушный шарик для изучения розы ветров.

Не знаю, что мой сыночек сказал там на небесах, но, как только воздушный шарик скрылся за тучами, началась такая гроза, что наш корабль едва не потонул.

И вот уже три года мой непослушный сын-хулиган преследует нашу экспедицию и мешает нам заниматься серьёзными исследованиями.

Как только над нами появляется голубой воздушный шарик с привязанной к нему корзиночкой, мы задраиваем все люки и ложимся в дрейф.

На случай девятого вала я держу при себе бутылочку Бренди. Бренди я давно уже выпил, а в бутылочку вложил записочку, в которой подробно рассказал, каким неблагодарным вырос мой единственный ребёнок.

## **СКУЧАЮЩАЯ СТАРУШКА**

Старушке, видите ли, было скучно, и она сидела на подоконнике с пульверизатором в руке и от нечего делать поливала прохожих средством для травли тараканов.

Введенные в заблуждение граждане, решив, что с неба падают ядовитые отходы местной консервной фабрики, написали в газету гневные письма.

Через три дня на консервной фабрике полностью сменилось руководство. Новый директор бросил все средства на защиту граждан от падающего с неба яда, но очистительные сооружения оказались бессильны.

Возмущенные граждане вновь написали в газету гневные письма, в которых задавали один и тот же весьма конкретный вопрос: «Почему очистительные сооружения не спасают их от ядовитых отходов?» На что получили весьма конкретный ответ: «А вы спросите у той старушки, что с утра до ночи сидит, задрав ноги на подоконнике».

Автор столь остроумного ответа подписался моим именем, а вредная та старушка – моя бабуля, Прасковья Федоровна Эпилептич.

Между прочим, банку с дустом ей подарил на семидесятипяти-с-половинойлетний юбилей мой зять, Иван Филаретович Синий, которого я недавно, пользуясь правом директора консервной фабрики, назначил на должность главного начальника очистительных сооружений.

\*\*\*

### **Семён пришёл к Управдому за советом.**

– Я отремонтировал коровник, постелил там свежую солому и заготовил на зиму корма, но Корова не хочет залезать в лифт и подниматься на одиннадцатый этаж.

– Печально, – сказал Управдом, – очень печально, что зря пропадает полезная жилая площадь. – И посоветовал Семёну не мешкать и поскорее обратиться к Психиатру.

Психиатр ничем существенным помочь не обещал, но за двадцать два рубля сорок копеек согласился провести три с половиной гипнотических сеанса.

Поймав такси, они поехали к Семёну во двор, захватив с собою двух Санитаров.

Целых три с половиной сеанса Санитары держали Корову за рога, а Психиатр внушал, что бояться лифта не надо, что лифт для того и создан, чтобы кататься вверх-вниз, вниз-вверх, но ничего не помогало.

В обеденный перерыв все четверо сгоняли в булочную-кондитерскую и встретили в очереди за карамелью Мясника. После долгих уговоров за полкило сахарной ваты Мясник помог Семёну грамотно разрубить Корову на части и погрузить её в лифт безо всякого гипноза.

Через пять минут Корова уже была доставлена на одиннадцатый этаж в свой коровник.

– Дерьмо твой Психиатр, – казал Мясник Семёну. – То, что у него не получилось за три с половиной сеанса, я сделал за три с половиной минуты!

Господа! Если вам когда-нибудь будет нужно уговорить корову сесть в лифт и поехать наверх, в новый коровник, не советую обращаться к психиатру – он ничем вам не поможет!

\*\*\*

**Всю свою трудовую жизнь Настасья Филипповна посвятила коже**, которая притягивала её с раннего детства.

Но одно дело – безответственно увлекаться, и совсем другое – получать деньги за счастье вдыхать аромат, который, кстати, многим кажется не совсем приятным; ощущать упругие формы на данный момент единственного и любимого создания и поддаваться любимым фантазиям, свойственным творческой натуре.

Да! С семи часов до предела изнеможения в Настасье Филипповне боролись женщина-художница и женщина-тигрица.

Женщина-художница восхищалась кожей тонкой, мягкой, податливой; она слегка касалась губами упругих складок, складочек и морщинок, вдыхала упоительный аромат и чувствовала себя на вершине эстетического блаженства.

Женщина же тигрица презирала блаженство в любой форме и понимала лишь, что такое страсть. Для этой женщины кожа была не предметом любования, а материалом, который трепещет и живёт, подчиняясь её страсти, предпочитая иметь дело с кожей грубой, как и сама страсть. Женщина-тигрица бросалась на неё, уверенная в своей первобытной силе, и кожа, прижимаемая сильной и вместе с тем нежной лапкой, скользила, словно бы вырываясь из объятий страсти, освещённая горящими зелёными глазами неистовой кошки. Подушечки пальцев вибрировали, ощущая бархатное трение, а коготки

оставляли едва заметные следы – символ страсти, или, как говорили клиенты, хорошей работы.

Да! Первейшей задачей было для Настасьи Филипповны удовлетворить клиента, и радость в глазах его всегда вызывала в Настасье Филипповне ответную радость и поэтические слёзы счастья.

А когда допивалась торжественная рюмка коньяка, дверь захлопывалась и Настасья Филипповна оставалась одна, она говорила себе, опуская в сумочку пятьсот рублей и переходя на прозу: «Да! Не зря я пыхтела всю ночь – ведь я принесла человеку счастье!»

Дети! Будьте такими же простыми и щедрыми, как Настасья Филипповна!

Пусть ваши руки будут умелыми, а сердца добрыми. А при выборе профессии вспомните этот мой рассказ про Настасью Филипповну. Лично ей писем можете не писать: она недавно уехала в далёкую страну; но знайте: в нашей стране осталось ещё много женщин-тружениц, готовых всегда переписываться с вами и делиться своим богатым опытом и мастерством.

Посвящается моей подруге, художнице по коже Ирине Величко.

\*\*\*

...Вернувшись вечером с работы, Сергей Сергеевич Тихонький почитал на сон грядущий Александра Дюма и в полночь спокойно уснул. Однако часа в четыре ночи разбудил его телефонный звонок. Звонила Стелла Львовна Коктебельская – секретарша нашего уважаемого директора.

– Простите, Сергей Сергеевич, что звоню вам так поздно, но мы в этот момент решаем с товарищем директором горящий вопрос: мы утверждаем список кандидатов для поездки в Париж, и нам хотелось бы знать – можем ли мы на вас рассчитывать.

– В каком плане? – осторожно спросил Сергей Сергеевич, затрепетав от волнения.

– В плане поработать в Париже недельки две, а то и три.

Вот тут-то Сергей Сергеевич вздохнул и понял, что он спит и видит сон: про совещание в четыре часа ночи, про телефонный звонок и – увы! – про Париж.

Он сделал над собою усилие и проснулся.

Было действительно четыре часа ночи. Сергей Сергеевич лежал в постели, а телефон стоял в коридоре. Стоял и молчал.

«Вот как бывает», – улыбнулся сам себе Сергей Сергеевич и побрёл в кухню – попить сырой воды.

...Но стоило ему немного приоткрыть кран, как из крана вместо сырой воды появилось облако пара, а из пара возник Джин.

Джин сказал:

– Я знаю твоё желание, Сергей Сергеевич. Ты страсть как хочешь поехать в Париж.

– Не хочу я в Париж, – раздражённо ответил Сергей Сергеевич, – потому что я всё равно сплю. А во сне поехать в Париж – это всё равно что на пьяной вечеринке хлебать пустую воду.

Умный был человек Сергей Сергеевич – сразу понял, что всё ещё лежит в кровати и спит.

– Нет, ты не прав, – отвечал тем временем Джин, – это не сон. И стоит тебе захотеть, как ты на самом деле окажешься в Париже.

– Ничего я не хочу, – сказал Сергей Сергеевич Джину, – кроме того, чтобы ты исчез, а я наконец-то проснулся.

И стоило ему это сказать, как облако пара всосалось обратно в кран с холодной водою, а вместе с ним засосало и Джина. Сергей Сергеевич же проснулся от звонка будильника весь в холодном поту и очень удивился, что уже утро и пора собираться на работу.

В трамвае Сергей Сергеевич удивился также тому, что все граждане ему улыбаются и уступают место поудобнее, рядом с окошком.

Сел он на то место и видит, что летит трамвай без остановок, аж трясётся весь – так быстро летит.

И спрашивает Сергей Сергеевич:

– А куда мы так быстро едем?

А пассажиры ему так мило улыбаются, говоря:

– В Париж, Сергей Сергеевич, в Париж.

И вновь холодным потом облился Сергей Сергеевич и проснулся во влажных простынях в постели, которая, однако, тряслась и шаталась из стороны в сторону.

И увидел Сергей Сергеевич, что стоит его постель не дома, в Трущобном переулке, 26-б, а в купе первого класса скорого поезда, а за окном мелькают уютные домики предместья Сен-Жермен.

Диким голосом закричал Сергей Сергеевич со всем отчаянием, на которое только был способен, и проснулся, который раз, в холодном поту...

Господа! Если вам доведётся встретить Сергея Сергеевича Тихонького на его трудном, полном переживаний пути из Москвы в Париж, будьте так добры, скажите ему: пусть он не морочит людям голову и либо едет туда, куда зовёт его фортуна, либо просыпается наконец и идёт на работу, потому что работа без него стоит уже целую неделю!

## ИЗ ЦИКЛА "ПЬЕСЫ"

### «Неоконченная пьеса Антона Чехова»

#### АНТОН И АННА

Антон Павлович: – Анна Кореньевна, мне хотелось бы вам признаться...( в волнении кусает ногти).

Анна Кореньевна: – Антон Палыч, перестаньте кусать мои ногти и расскажите все спокойно...

Антон Павлович: – Видите ли...

Анна Кореньевна: – Вы прекрасно знаете, что я ничего не вижу, потому что вы завязали мне глаза черной повязкой!

Антон Павлович: – Слышите-ли, мое признание заключается в том, что...

Анна Кореньевна: (в волнении) – Кажется, я слышу стук приближающегося Самуила Ибрагимовича!

Антон Павлович: – Пока он не появился, мне нужно сказать вам нечто очень жизненно важное...

Анна Кореньевна: – Поторопитесь же, ей-богу! Шаги приближаются!

Антон Павлович: – Настолько жизненно важное, что ... (явно тянет кота за хвост).

Анна Кореньевна: – Антон Павлович, прошу вас, отпустите кота и объясните все по-порядку!

Антон Павлович: – Настолько жизненно важное, что не знаю, как же вы жили до сих пор, не зная этого...

Анна Кореньевна. (Озаренная догадкой): – Теперь вы тянете резину, не так ли?..

Антон Павлович. (Метко бросает резину в камин и решившись наконец-то.) – Анна Кореньевна, попытайтесь вспомнить... О, боже! Я сейчас сойду с ума от этого напряжения!

Анна Кореньевна вынимает пальцы Антона Павловича из электрической розетки.

Антон Павлович: – Попробуйте вспомнить... два года назад вы родили сы...

Анна Кореньевна. (Закатывая глаза под черной повязкой): – Кажется...

Антон Павлович: – И не надо закатывать глаза. Я вижу, что вы уже вспомнили!

Анна Кореньевна: – Коленька! Что случилось с моим Коленькой?!!

Антон Павлович: – Не водите меня за нос, Анна Кореньевна, Коленьке уже сорок шесть!

Анна Кореньевна. (отпускает нос Антона Павловича.) – Любонька, Любонька моя дорогая! Что случилось с моей Любушкой?!!

Антон Павлович: – Любонька – девушка, а я говорю про мальчика, которого вы родили два года назад... не такой уж большой срок, чтобы не вспомнить.

За дверью и в самом деле слышны шаги.

Антон Павлович: – Ну, скорее! Остались считанные секунды...

Анна Кореньевна: – Все! Вспомнила! Георгий! Милый мой Георгий!

Антон Павлович: – Так вóт, Анна Кореньевна, ваш Георгий вчера на заре...

В комнату входит Самуил Ибрагимович.

Анна Кореньевна. (Вся в дрожи.) – Что, что случилось с моим сыном, ради бога!

Антон Павлович: – Поздно, Анна Кореньевна. Теперь не скажу.

### З А Н А В Е С

\*\*\*

### МАРИЯ И ПЁТР

Мария Ивановна сидит на берёзе, поджав под себя ноги и читает «Последние Известия». Рядом роскошная пальма. На пальме, привольно развалившись, отдыхает Пётр Фёдорович.

– Кругом бескрайнее болото –

Мария Ивановна: – Пётр Фёдорович, не правда ли, сегодня прекрасные погоды? Облачка, словно жемчуг!

Пётр Фёдорович: – Сразу видно, Мари-Ванна, что вы никогда не видели натурального жемчуга.

Мария Ивановна: – И всё же, согласитесь, небо такое голубое и бездонное...

Пётр Фёдорович: – Эх, Мари Ванна! Можете ли вы себе представить, что небеса бывают и красными, и фиолетовыми, и огненно-рыжими! (Наливает себе кофе, ставит блюдечко с чашкой на пальмовую ветвь).

Мария Ивановна: – Пётр Фёдорович, вы, никак, полдничать собрались?..

Пётр Фёдорович со своей пальмы: – Это называется «пети дежунэ»

Мария Ивановна: – Ну, надо же! – Раздвигает листву берёзы, достаёт крынку с квасом: – Пётр Фёдорович, кваску не хотите-ли?

Пётр Фёдорович: – Увольте, Мари Ванна, от квасу пучит. Я, лучше, кофе по старой привычке.

Долго молчат.

Мария Ивановна смотрит вниз, в болотные топи.

Мария Ивановна: – Лягушки что-то больно раскричались. К дождю, наверное!

Пётр Фёдорович: – Жрать, видно, хотят, вот и раскричались. Комаров-то нынче мало уродилось.

Мария Ивановна: – И слава Богу. А то как прошлым летом налетели, не жизнь была, а ад суший, прости Господи!

Пётр Фёдорович: – Природа, Мари Ванна, знает своё дело: всякой твари рождает в самый раз и в самое время. К тому же мне грех жаловаться: я к этим гадам присмотрелся и привык: и к москитам, и к саранче, и к мухе Це-це...

Мария Ивановна: – Ну, надо же!

Раздвигает листву берёзы, вглядывается в болотную даль: – Зато цаплям-то нынче раздолье. Лягушек хоть пруд пруди!

Пётр Фёдорович. Думая о чём-то о своём, о дальнем: – Цапли, Мари Ванна, необычайно похожи на фламэнго, правда, у тех стати побольше будет, да и оперение побогаче.

Мария Ивановна молчит, задумчиво глядя в небо.

Пётр Фёдорович: – Или, вот, возьмите, хотя бы, колибри. Ну, что за пташка! В цветке живёт, мёдом питается!

Мария Ивановна: – Так это, пчела, что-ли?

Пётр Фёдорович. Сокрушённо: – Нет у вас никакого понятия про земную фауну и флору.

Мария Ивановна: – Куда уж нам, Пётр Фёдорович! Всю жизнь на берёзе, среди листвы и болотной топи!

Пётр Фёдорович: – Оно и видно. Однако, спать пора, темнеет!

Поудобнее устраивается на своей пальме, засыпает.

Мария Ивановна. Всё смотрит и смотрит в темнеющие болотные дали. Наконец выдыхает: – Ах, почему я не птица, почему я не летаю?!!!

## З А Н А В Е С

\*\*\*

### **Одноактная пьеса без названия в восьми картинах**

Примечание автора.

Признаюсь в своем невежестве. Когда в 1980 году я написал эту пьесу, изданную позже в журнале "Знамя", я ничего не знал о рассказе Скотта Фицджеральда "Загадочная история Бенджамина Баттона".

"Старость имеет только то преимущество перед молодостью что приходит после". Евгений Баратынский.

Действующие лица:

**Пётр Егорыч Прикордонный.** Давно увядший мужчина в возрасте 75 лет.

**Лизавета Максимовна.** Его жена. Старуха.

**Агриппина Кондратьевна.** Уборщица лестничного марша. Женщина в возрасте, но ещё ничего.



**Лова Мур** (очевидно, псевдоним). Красотка, занимающаяся в гостинице при рынке частным предпринимательством. Женщина очень даже ничего, но, к сожалению, на сцене не появляется.

## КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Комната Лизаветы Максимовны. Направо – кресло. Налево – письменный стол. Лизавета Максимовна сидит в кресле за письменным столом и ощипывает индюшку.

Пётр Егорович (шаркая тапочками, идёт по коридору, приходит в комнату жены): – Лизанька, лапочка! Мне сегодня приснился удивительный сон!

Лизавета Максимовна: – Не валяйте дурака, Пётр Егорович! Какая я вам лапочка!

Пётр Егорович: – Лизанька, неужели тебе не интересен мой ночной сон?!

Лизавета Максимовна: – Пётр Егорович, будьте добры, принесите мне примус.

Пётр Егорович. Шаркая тапочками, идёт по длинному коридору в кухню. На полпути останавливается, пытается справиться с дыханием. Входя в кухню: – Лизанька! Лапочка! Мне снилась наша первая встреча! Мне снилось, как я овладел тобою. Возвращается в комнату жены с примусом в руках.

Пётр Егорович: – Лизанька, сегодня ночью я овладел тобою.

Лизавета Максимовна: – Пётр Егорович! Побойтесь Бога! Мы с вами спим в разных комнатах.

Пётр Егорович поворачивается, собирается уходить.

Лизавета Максимовна: – Зажгите примус и поставьте его на письменный стол.

Пётр Егорович зажигает примус, уходит в ванную комнату. Пристально смотрит в зеркало, наконец обращается к своему отражению: – Я овладел тобою, Лизанька, невзирая на стену непонимания, времени и пространства. Проводит ладонью по лицу, долго трёт левый глаз костяшкой указательного пальца: – Ты знаешь, Лизанька, я сегодня гораздо лучше себя чувствую.

## КАРТИНА ВТОРАЯ

Гостиная, она же столовая. Лизавета Максимовна парит ноги в оловянном тазу. Пётр Егорович заканчивает свой ужин.

Пётр Егорович: – Ты знаешь, Лизанька, сегодня на рынке некая дама посоветовала мне сбрить бороду.

Лизавета Максимовна: – В твоём возрасте, Пётр Егорович, тебя должна интересовать не «некая», а вполне определённая дама.

Пётр Егорович. Смущаясь, кокетничая и ласково поглядывая на Лизавету Максимовну: – Это какая же?

Лизавета Максимовна: – В чёрном балахоне, с косой в руке.

Пётр Егорович: – Лиза, ты всё-таки очень злая женщина.

Лизавета Максимовна: – Я уже не женщина, Пётр Егорович, я – старуха.

Пётр Егорович встаёт из-за стола: – Спасибо за прекрасный ужин и за компанию. Уходит в ванную комнату, с некоторым удивлением смотрит на своё отражение в зеркале.

Пётр Егорович (своему отражению): – Лизанька, лапочка, ты не знаешь, где мой ремень для правки бритвы?..

### КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Пётр Егорович. Шустро сбегает вниз по лестничным маршам с корзиной для продуктов в руке и с рюкзаком, полным пустых бутылок, за спиной. На втором этаже чуть не сбивает с ног уборщицу. Агриппина Кондратьевна. Производит влажную уборку лестничного марша.

Агриппина Кондратьевна: – Эх! Лётают тут всякие! Роняет тряпку в ведро: – Господи! Да никак это наш Пётр Егорыч! Пётр Егорыч! Вам без бороды больше полтинника не дашь, ей-богу!.. Куда ж вы так торопитесь?

Пётр Егорович: – Бегу на рынок, лапочка, к некоей даме за свежими овощами и другими прелестями...

Кидает взгляд на Агриппину Кондратьевну: – Ба! Гриппушка! Вы сегодня чудо как хороши!

Агриппина Кондратьевна. Воспринимает комплимент как насмешку: – Скажете тоже.

Заливается краской, делает неловкое движение, опрокидывает вниз по ступенькам ведро с водою.

### КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Библиотека. Шкафы с книгами, уютные кресла, телевизор. Лизавета Максимовна. Нарезывает кусочками говядину и кормит ею рыбок в большом аквариуме.

Пётр Егорович. Склонившись над столом, покрытым зелёным сукном, что-то пишет.

Лизавета Максимовна: – Петя, милый! Тебе нужно срочно показаться врачу. Ты на глазах впадаешь в детство. Зачем, например, ты нарядился в этот мятый джинсовый костюм и почему ты стал красить волосы?

Пётр Егорович: – Лизавета! Я не прикасался к своим волосам, разве что немного их завил. А впрочем, я чувствую, как моё существо совершенствуется само по себе. В голову мне начинают приходить всё более неожиданные и свободные мысли. Как всё же много зависит от внутренних биологических процессов! Боже мой! Мы живём уверенные в правоте своих действий, но вдруг стоит чему-то там, в голове, повернуться, как понимаешь, что нужно и – главное – можно жить совсем по-иному!!! Лиза! Знаешь ли ты, что такое свобода? Ты скажешь мне, что это то, что нам всем недостаёт? – Нет, милая! Свобода – это то в чём мы, к несчастью, даже не нуждаемся. А мне с некоторых пор, Лиза, нужна свобода. И я её беру, и ни у кого не спрашиваю разрешения.

Лизавета Максимовна: – Но, Пётр, дорогой, с такой философией недолго преступить все нормы морали!!!

Пётр Егорович: – Лизавета! Никому не дано права навязывать людям границу между нравственным и безнравственным, моральным и аморальным. Эта задача стоит перед каждой личностью, и решать её нужно наедине со своею совестью, пожиная потом плоды, вкус которых и даст понять – прав ты был или не прав. (оживляется) – Вчера, например, я снял с ветки и поцеловал в нежное лоно такой плод!..

При этих словах Лизавета Максимовна вздрагивает и роняет килограммовый недорезанный кусок мяса прямо в аквариум. Рыбки весело набрасываются на добычу.

Лизавета Максимовна: – Пётр Егорович! Петенька! Ты явно болен! Я даже не могу на тебя сердиться! Только что ты нанёс мне жестокое оскорбление, но я даже и не думаю обижаться на тебя. (плачет).

Пётр Егорович: – Правильно, Лизавета. Обида – это плохая краска. Ну что такое – «обиделся»? Ну как это показать! Ну, покажи мне «я обиделся...» (пытается изобразить состояние обиженности, уткнувшись лицом в зелёное сукно на столе и завалив себя сверху листами бумаги.)

Лизавета Максимовна: – Петенька! Перестань паясничать! (Внезапная догадка мелькает в её глазах.) – Боже! Ты ведь действительно сходишь с ума!

Пётр Егорович: – Нет! нет! нет! нет! нет!!! Это ты сходишь с ума. (Вылезает из-под своих бумаг.) – Ты давно уже сошла с ума, и это происходило так медленно, что никто ничего не заметил!

Лизавета Максимовна: – Ну, хорошо. Пусть я схожу с ума, а ты в полном здравии. Но как тогда объяснить всё это? (обводит рукою комнату, указывая, видимо, на разбросанные всюду рукописи.)

Пётр Егорович: – Ну и что здесь особенного? Я увлёкся писанием стихов.

Лизавета Максимовна: – Да, но в твоём-то возрасте!

Пётр Егорович: – Уважаемая Лизавета Максимовна! Именно в моём, как вы говорите, возрасте писание стихов может служить предметом особой гордости.

Лизавета Максимовна. Отвинчивает у сидящей в кресле пластмассовой куклы голову и достаёт оттуда таблетку валидола.

Пётр Егорович: – Да вы только послушайте – такими стихами мог бы гордиться сам Александр Пушкин!

Читает:

...Так и мне узнать случилось.

Что за птица Купидон;

Сердце страстное пленилось;

Признаюсь – и я влюблён!

Лизавета Максимовна (зловеще смеётся): – Уверю тебя, Петенька, Пушкин ими гордился.

Пётр Егорович: – Или послушайте вот это: Немного лет тому назад, там, где, сливаясь, шумят...

Лизавета Максимовна: – Довольно! Этими стихами гордился Лермонтов.

Пётр Егорович (озадаченно): – Да? Видно, у меня перепутались листы.

Лизавета Максимовна: – В голове у вас перепуталось, Пётр Егорович!  
Уходит из комнаты, хлопнув дверью.

Пётр Егорович: – Смотрите, какая начитанная! (напевает себе под нос): ... чтоб очаровывать сердца, чтоб возбуждать рукоплесканья... (и вдруг неожиданно для самого себя): – А Лиза – дура.

## КАРТИНА ПЯТАЯ

Лизавета Максимовна падает в обморок на мягкий персидский ковёр. В руке у неё записка:

«Дорогая, прости меня. Не то, чтобы больше не могу с тобой спорить. Просто пришла другая пора. Мир расцветает. Не могу с ним совладать. Хочется бежать из дому, куда глаза глядят. Не могу же я вечно сидеть у твоих ног! И мне кажется, я влюблён. Пётр».

## КАРТИНА ШЕСТАЯ

Звонок в дверь. Лизавета Максимовна, еще более постаревшая от выпавших на её долю переживаний, отпирает замки: глаза не видят, руки не слушаются, ноги не держат. На пороге мальчишка в изодранных джинсиках.

Мальчишка: – Лизавета Максимовна... прошу прощения... так вот вышло... короче, обещаю, что никогда больше не буду убегать из дому.

Лизавета Максимовна: – Петенька! Боже мой! Ты ли это?!!

Вновь падает в обморок, на этот раз на жёсткий паркет. Роняет высокую тумбочку с телефоном, тумбочка падает, обрывается электропроводка, гаснет свет, слышен детский крик.

## КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Гостиная, а также столовая. Всё переоборудовано под детскую. Лизавета Максимовна. Чуть дыша, валится на диван – только что закончила прибавать к стенке шведскую стенку. Пётр Егорович в новых коротких штанишках кушает манную кашку. Поверх рубашечки повязан голубенький слюнявчик.

Лизавета Максимовна (переводя дух): – Петенька, держи ложку правильно, не балуйся.

Пётр Егорович: – Угу.

Лизавета Максимовна: – Не выплёскивай кашку на скатерть!

Пётр Егорович: – Угу.

Лизавета Максимовна: – Петенька! Возьми ложку в правую руку! Перестань меня злить!

Пётр Егорович. Медленно, но уверенно отодвигает от себя тарелку с кашей: – Я больше не хацу...

Роняет ложку на пол, просительно заглядывает Лизавете Максимовне в глаза: – Дай кафетку...

## КАРТИНА ВОСЬМАЯ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Пётр Егорович лежит в люльке и плачет. Под люлькой на полу – лужица.

Лизавета Максимовна. Пытается подняться с кровати, чтобы перепеленать Петра Егоровича, но не может. Кашляет, задыхается. Вновь пытается подняться, падает в подушки. По щекам текут слёзы. Плачет Пётр Егорович в своей люльке, плачет Лизавета Максимовна, утонув в перине. Пётр Егорович плачет настойчиво и громко, пронзительным голосом; Лизавета Максимовна – беззвучно, точно рыба, выброшенная на берег приливом.

## ПЬЕСА

(Посвящается Антону Чехову)

Старинное кладбище. Вечерет. Анна Андреевна и Федор Васильевич гуляют по тенистым аллеям.

Ф.Васильевич: – Так как же, Анна Андреевна?

А.Андреевна: – Мне очень лестно ваше предложение, Фёдор Васильевич, но, право, и не представляю, как мы будем жить с вами вместе...

Ф.Васильевич: – Как все живут, Анна Андреевна, тихо и мирно.

А.Андреевна (срывает увядший цветок): – Мы столько лет молчали, не решались обмолвиться друг с другом словом...

Ф.Васильевич: – Я так рад, что осмелился нарушить это молчание...

А.Андреевна: – А наши дети... Что скажут они?..

Ф.Васильевич: – Право, Анна Андреевна, не ищите предлога к отказу. Что же касается моих детей, то они недавно уехали в Моськву и давным-давно забыли старика.

А.Андреевна: – О, Фёдор Васильевич, это же двойной наговор на самого же себя!

Ф.Васильевич: – Что вы имеете в виду, Анна Андреевна?

А.Андреевна: – Во-первых, то, что ваши дети вас помнят и свято любят; а во-вторых... (кокетливо)... во-вторых, мы с вами еще достаточно молоды...

Ф.Васильевич (с надеждой в глазах): – Вы так считаете?!

А.Андреевна: – Безусловно, мой дорогой, любезный Фёдор Васильевич!

Ф.Васильевич: – Тогда нам и подавно имеет смысл быть вместе...

А.Андреевна: – Ах, Феденька, Феденька мой милый... Если бы возраст имел решающее значение... (заслышав цокот каблучков и женский смех): – Кажется, сюда идут... Скроемся от посторонних глаз... (берет Ф.Васильевича за руку и увлекает в тенистую аллею)

Ф.Васильевич: – О, как трепетна ваша рука! Как много мне надо сказать вам...

А.Андреевна: – Ни слова, Федя, о любви, затем что в ваши годы... (озорно смеётся).

Ф.Васильевич: – Эта цитата здесь вовсе не к месту, Анна Андреевна! (порывисто приближая Анну к себе): – Не клеветите на своё доброе сердце и не удаляйте моих высоких чувств! Прорвёмтесь вместе в светлоту!!!

А.Андреевна (вырываясь из его объятий): – Ну вот, мы уже и приши. Продолжим наш разговор завтра. Теперь уж поздно, гляньте: то не соловей, то жаворонок был...

Ф.Васильевич: – Пока живу, надежда не усохнет!

А.Андреевна (таинственно): – Не знаю, милый друг, пока не знаю... (приседает возле одной из могил, отодвигает могильную плиту, ложится в гроб): – Спокойного утра, Федя!

Ф.Васильевич (из соседней могилы): – Спи спокойно, Анна!

*Дорогие друзья оштучивания, рубрика "Писесы" в скором времени будет продолжена!*

---

## **Вольные переводы песен Юрия Балабанова на случай, если иностранцам захочется понять их смысл**

### **"Похороны Пьеро"**

цитата: "хоронили Магдалину" (А. Вертинский)

...Хоронили певца по имени Юрий. Провожали друзья, они же играли в оркестре. А певец и не думал умирать. Он сидел на дереве, притворившись соловьём, и свистел налево-направо вальсики. Друзья вспомнили те вальсики и развеселились. Да так развеселились, что ничего с собою не могли поделать. Так и веселились до самого кладбища. А когда прискакали на кладбище, то вспомнили, что гроб-то оставили в лесу под деревом. А под каким – никто так и не вспомнил.

Весёлая история, не правда ли?!

### **"Как глупо и смешно..."**

Один певец пел песни про любовь. Сначала пел из окна, потом пел на улице, потом на бульваре. Но никто его и слышать не хотел. Тогда он обиделся, собрал свои вещи и уехал из города. В тот же день в городе пропала статуя Венеры-богини. Горожане прослезились и посетовали: "Вот, ушёл от нас певец, и богиня Любви покинула нас в одночасье". А поэты сказали: "Как же, покинула! Этот сукин сын её с собою уволок. То-то он пел и там, и здесь: всё присматривал, где что плохо лежит".

### **"Старый замок"**

Один поэт лишился публики. И вот он решил пойти на кладбище и спеть там песню о любви. А как он запел, из могил полезли покойники и стали танцевать вальсики. А горожане из окон глядели и говорили: "Вот, дьявол". А певец всё слышал и очень потом обижался!